

Токкэби Ким Син, пребывая в глубокой хандре, сидел на диване, поджав под себя ноги и закутавшись в плед. В руках он держал чашку с чаем из лекарственных трав, который Лю Дэхуа специально заварил для него, чтобы снять усталость и восстановить силы. С насупленными бровями и страдальческим выражением лица, точно юная дева, изнывающая от боли в критические дни, он прошептал слабым, лишенным жизни голосом:

— Дэхуа, не мог бы ты забрать своего парня? Мне нужно побыть в тишине.

Глядя на дядю-токкэби, от которого исходил сизый дым, Лю Дэхуа не стал сразу же и безоговорочно соглашаться, а вместо этого спросил:

— Дядя, ты правда не хочешь, чтобы Цуй Чэнши сейчас вытащил из тебя меч?

Услышав это, Ким Син поспешно посильнее закутался в плед:

— Нет, не хочу. Дэхуа, закрой рот. Пока я не передумал и не потребовал вернуть ту безлимитную кредитку, которую тебе дал, будь пайнкой, возьми своего парня и тихо исчезни.

Как только эти слова были произнесены, Лю Дэхуа плотно сжал губы, взял своего парня за руку и широкими шагами покинул комнату.

Несмотря на то, что Ким Син говорил именно так, в день, когда выпал первый снег, он — вероломный и переменчивый дядя — потребовал от Лю Дэхуа вернуть ту самую безлимитную карту. Услышав это, Дэхуа остолбенел:

— А?

— Ты же всё слышал, зачем притворяешься, будто не расслышал? — Ким Син слегка прищурился, растянув губы в идеально выверенной фальшивой улыбке, и ласково погладил Дэхуа по лицу. — Дэхуа, верни мне карту.

Дэхуа был в полном смятении. Сглотнув, он осторожно произнес:

— Дядя, это же совсем не то, о чем мы договаривались. Ты же сам говорил, что хочешь, чтобы моя жизнь не была ограничена лимитами, поэтому и подарил её мне. Ты ясно сказал, что эта карта — награда. — Он всё больше распалялся. — Как можно забирать назад уже подаренные подарки?! Дядя, неужели ты настолько не держишь слово?!

Ким Син продолжал щуриться, не меняя выражения лица:

— Но, Дэхуа, ты ведь сам признавал, что не сделал ничего такого, за что стоило бы тебя награждать. Так что забрать подарок назад вполне логично и справедливо.

Видя, что дядя не собирается менять решение, Лю Дэхуа вцепился в свой кошелек. Он решил сменить тактику и принялся отчаянно признаваться в любви:

— Дядя, я люблю тебя! Я безумно тебя люблю! Я всегда тебя любил!

Однако сладкие речи на Ким Сина не подействовали. Одним щелчком пальцев он заставил кошелек, который Дэхуа сжимал в руках, переместиться к себе. Под потрясенным взглядом племянника он не спеша вытащил из отделения ту самую карту:

— Дядя знает, что ты меня любишь, поэтому, даже если я заберу карту, на твои чувства это не повлияет, верно? Кстати, Дэхуа, я решил пока не уезжать за границу, так что продолжай и дальше любить своего дядю.

Лю Дэхуа чуть не расплакался от обиды на вероломного и язвительного дядю:

— Дядя, я тебя ненавижу!

Ким Син фыркнул, вернул кошелек в карман Дэхуа и повернулся к Жнецу смерти, который крепко прижимал к груди свидетельство о регистрации недвижимости:

— Жнец, и ты верни мне документы на дом.

Услышав это, Жнец смерти вцепился в бумаги еще сильнее. Обиженно пробормотав: «Раз уж подарил, назад не забирают», он покосился на убитого горем Дэхуа, замялся и, часто моргая, громко заявил Ким Сину:

— Я тоже тебя люблю! Люблю! Правда, очень сильно!

Ким Сина передернуло от этих признаний, по коже побежали мурашки, а лицо покраснело, словно спелый помидор. Он невольно отступил на полшага и, краснея, рывкнул:

— Заткнись!

Жнец смерти шагнул вперед. Вместо того чтобы замолчать, он с еще большей мольбой посмотрел Ким Сину в глаза:

— Я люблю тебя, искренне.

— Ты, негодник, еще не замолчал? Я же сказал — закрой рот! — Ким Син кричал во весь голос, но его уши уже пылали от стыда, и сам он стал похож на вареную креветку.

Лю Дэхуа, чье сердце было разбито вдребезги, смотрел на эту сцену и всё больше убеждался, что дяди просто заигрывают друг с другом. Закатив глаза, он проворчал: «Раз уж всё так зашло, женитесь поскорее, совет вам да любовь», и, волоча ноги, в одиночестве побрел прочь.

От злости ему хотелось охладиться, и он направился в кафе-мороженое по соседству. Но не успел он толкнуть стеклянную дверь, как увидел, что его парень о чем-то весело болтает с той самой юной невестой дяди. Они улыбались так ярко, что у Дэхуа закололо в глазах и вспыхнула ярость.

Он ворвался внутрь и как раз услышал, как Чи Ынчжо с застенчивым восторгом говорит:

— Удивительно, правда? Как мы могли так случайно встретиться именно там? Это было словно во сне.

Дэхуа нахмурился, едва не окрестив эту несовершеннолетнюю девчонку «хитрой лисицей». Подожди, может, она просто выражает свою радость и ничего такого не имела в виду? Не нужно накручивать себя. Если у дяди с тем, что в дальней комнате, ничего не выйдет, она вполне может стать его настоящей невестой. Дэхуа, а вдруг тебе еще придется называть её тетей? Не стоит думать о ней так плохо.

Но прежде чем он успел себя успокоить, парень, сидевший напротив неё, улыбнулся и ответил:

— Я тоже так думаю.

Это стало последней каплей.

— В смысле «ты тоже так думаешь»? — Дэхуа подошел к ним. Когда один посмотрел на него с недоумением, а другая — с испугом, он фыркнул: — Не знал, что ты носишь розовые свитера. Специально нарядился, чтобы клеить старшеклассниц?

Чи Ынчжо открыла рот, пытаясь оправдаться, но Дэхуа оборвал её:

— Я у него спрашиваю! Не встречай! — Он сердито уставился на мужчину: — Объяснись. Разве ты не должен сейчас быть на прощальной вечеринке в честь своего увольнения? Как ты оказался здесь, ешь мороженое и флиртуешь с ней, пока я ничего не знаю?

Чхве Тхэ Хи озадаченно моргнул:

— Послушайте, вы ошиблись. Я не Цуй Чэнши, я его младший брат — Чхве Тхэ Хи.

Чи Ынчжо, которой запретили говорить, усердно закивала.

Дэхуа едва не рассмеялся от злости:

— Ты за идиота меня держишь? Какой еще Тхэ Хи? Вы что, в дораме снимаетесь? Героиня ставит родинку на лице, и герой верит, что это другой человек? Ты решил скрыть родинку в уголке глаза и думаешь, что сойдет за другого? Реальность — это не сериал, что за чушь ты несешь?

Чхве Тхэ Хи, не зная, плакать или смеяться, продолжал:

— Я не вру. Меня правда зовут Чхве Тхэ Хи, я не мой брат.

— Не ври мне, у него нет брата-близнеца! — Дэхуа, решив, что его считают за дурака, протянул руку к правому глазу парня. Он стал тереть пальцем то место, где должна была быть родинка, но кожа лишь покраснела, а на пальце не осталось даже следа от консилера.

Дэхуа растерянно отдернул руку:

— Какой фирмы у тебя консилер? Почему такой стойкий?

Чхве Тхэ Хи потер ноющий глаз:

— Я не пользовался консилером. У меня нет родинки.

Чи Ынчжо не выдержала:

— Дэхуа-оппа, это правда Тхэ Хи-оппа. Хоть они и не близнецы, они очень похожи, так что ты зря его обвиняешь.

Дэхуа был в шоке:

— Я ошибся?

Чи Ынчжо кивнула.

— Он правда не Чэнши-оппа. Если не веришь, позвони Чэнши-оппе и проверь.

— Ты права. — Дэхуа глубоко вздохнул и набрал номер. Трубку сняли почти сразу, и раздался до боли знакомый голос. Дэхуа залился краской, мечтая провалиться сквозь землю. Он отвернулся и прошептал в трубку: — Почему ты не сказал, что твой брат так на тебя похож? Мне так стыдно!

Чжоу Ши на другом конце провода усмехнулся:

— Ты случайно встретил Тхэ Хи?

Дэхуа опустил глаза:

— Он сидит в кафе рядом с домом моего дяди и ест мороженое с Чи Ынчжо. Сложно было не встретить.

Чжоу Ши рассмеялся:

— Всё в порядке. Передай трубку Тхэ Хи, я скажу ему пару слов.

Дэхуа молча протянул телефон. Он не слышал, что именно Чжоу Ши говорил брату, но Тхэ Хи лишь дважды ответил «хорошо» и вернул аппарат. Дэхуа, не желая спрашивать при постороннем, решил отложить вопросы:

— Я сейчас так вымотан из-за дяди, что хочу выпить. Как закончишь, приходи ко мне.

После того как звонок завершился, лицо Дэхуа всё еще горело. Он постарался придать голосу спокойствие и извинился перед Тхэ Хи:

— Прости, я был неправ. Извини.

Из-за пережитого стыда и недавней вспышки гнева глаза Дэхуа блестели от выступивших слез. В свете ярких ламп его зрачки казались особенно темными и глубокими, что делало его вид таким трогательным, что злиться на него было невозможно. Чхве Тхэ Хи на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся:

— Ничего страшного.

Дэхуа облегченно выдохнул:

— Хорошо, что ты не злишься. Ешьте мороженое, а я пошел пить.

— Дэхуа-оппа, ты опять идешь в бар? — Чи Ынчжо насмешливо улыбнулась. — Я слышала от дяди, что ты обожаешь бары, якобы пьешь, а на самом деле клеишь девушек. Дэхуа-оппа, у тебя же есть Чэнши-оппа, как ты можешь так поступать? Не боишься его обидеть?

Дэхуа чуть не закрыл ей рот рукой:

— Что ты несешь?! Сплетница! Мне просто дядя нервы вымотал, я хочу выпить, чтобы успокоиться, не выдумывай ерунду! Ты такая милая на вид, но такая пошлячка, не хочу с тобой разговаривать.

Чи Ынчжо, которую первая любовь назвала «пошлячкой», едва не задохнулась от возмущения:

— Я пошлячка?! Объяснись! Это твой дядя сказал, что ты с детства не можешь пройти мимо красивой женщины, эй ты...

Но не успела она договорить, как дверь с тихим звоном захлопнулась, оставив её в одиночестве.

<http://bllate.org/book/20953/2124454>